

Концертмейстер-«лауреат» — наш соотечественник, почти полвека живущий в США, директор Международного вокального конкурса имени Розы Понсель, большой поклонник и воспитатель молодых талантов. В перерывах между репетициями и конкурсными прослушиваниями рассказал свою историю.

МОЛОДОСТЬ была самой тяжелой порой моей жизни.

Я и мои сестры увидели свет в Иркутске. Отец мой был инженером-железнодорожником, мать — пианисткой, давала уроки музыки на дому. Впоследствии наша семья переехала в Пушкин, я поступил в музыкальную школу при Ленинградской консерватории. 21 июня 1941 года сдал последний выпускной экзамен.

Вскоре после того, как началась война, город был занят немцами. Я попал в лагерь на окраине Гатчины, куда сгоняли всех оставшихся в округе мужчин в возрасте от 15 до 55 лет. По счастливой случайности через некоторое время мне удалось бежать. Я чудом не был пойман, однако дома пробыл недолго: в феврале 1942 года наша семья была увезена в Германию. Сначала мы жили все вместе, но в конце войны я потерял из виду своих родных, оказавшихся в другом лагере.

Когда началась репатриация, у меня и в мыслях не было, что я могу не поехать в Советский Союз. Возможно, это покажется странным, но не вернулся я благодаря советскому офицеру, ведавшему порядком репатриации. Не знаю, почему, но наемнул, какая судьба была уготована большинству возвращавшихся, и помог достать нужные документы.

Я женился на своей соотечественнице, и мы с женой и ее матерью в конце концов осели во Франкфурте. Там собралось много русских. Среди них был священник, он пошел служить в русскую церковь, что стояла неподалеку от города. А я устроился туда регентом. Параллельно же занимался игрой на фортепиано.

Вспоминаю, как все ликовали, когда кончилась война. Казалось, что все страшное уже позади, а впереди — новая, радостная жизнь. Но трудные времена продолжались: голод, разруха, а главное — была тягостная, напряженная атмосфера, в воздухе словно витало предчувствие новой войны. И люди, гонимые страхом и нуждой, стали отравляться на поиски лучшей жизни. Одно из семейств, обосновавшихся в Соединенных Штатах, прислало приглашение и нам.

В 1949 году мы прибыли в США. Первый год в Америке был очень тяжелым. Если вы решаете поселиться в Соединенных Штатах, а зовут вас Мстислав Ростропович — это одно дело. И совсем другое, если ваше имя никому не известно. Вы Америке безразличны — устраивайтесь, как знаете сами. Я быстро понял, что о карьере пианиста не приходилось и мечтать, надо было думать, как заработать на кусок хле-

ба. Мне удалось устроиться аккомпаниатором в балетные школы.

Эмиграция заставляет соотечественников и в радости, и в печали держаться вместе. И мы с нашими друзьями из «Франкфуртской колонии» старались никогда не терять друг друга. Некоторое время прожив в Нью-Йорке, они переехали в Балтимор, и вскоре я получил от них письмо примерно такого содержания: «Мы знаем, что ты не очень доволен своим положением. А здесь в русской церкви нужен регент, приезжай, попробуй, может быть, тебе понравится». Так в 1951 году я оказался в Балтиморе, стал регентом в Свято-андрееской церкви, где с удовольствием проработал двенадцать лет, но в конце концов был вынужден оставить этот пост, поскольку уже не мог совмещать его со все больше и больше захватывавшей меня работой в опере.

РОЗА ПОНСЕЛЬ была для Америки тем же, чем Нежданова для России. С 1918 по 1936 год она царилла на сцене «Метрополитен-опера». Знаменитый итальянский дирижер Туллио Серафин как-то сказал, что работал со всеми лучшими оперными певцами мира, но в его жизни было три настоящих чуда — Титта Руффо, Энрико Карузо и Роза Понсель.

Она происходила из итальянской семьи — настоящая ее фамилия была Понцилло, но Роза изменила ее на английский лад. Сначала она выступала вместе с сестрой в водевиле. Как говорили, их голоса были совершенно неотличимы друг от друга. Но вот что значит судьба: кого-то она выбирает, а кого-то обходит. Роза всегда лелеяла мечту поехать на оперную сцену. Однажды ее пение услышал Карузо и предрек ей, что настанет день, когда они будут петь вместе.

В 1918 году в «Метрополитен-опера» собирались ставить «Силу судьбы» Верди. Состав был блестящий, недоставало только драматического сопрано. Пригласить певицу из Италии не было возможности — шла первая мировая война. И тогда Карузо рассказал директору театра Гатти Казаццо о Розе Понсель.

На прослушивании ее нервы были так напряжены, что она упала в обморок прямо во время исполнения арии. А когда очнулась, ее первой мыслью было: все, оперная карьера кончилась. Но директор, проводил ее в свой кабинет, усадил за стол и протянул уже готовый контракт: «Вот, подпишите». Роза не поверила своим глазам: «Как, вы берете меня после того, что случилось? А вдруг я провалюсь?!» «Я верю в тебя», — ответил Казаццо. — И если твой дебют будет успешным, ты откроешь дорогу на сцену многим американским певцам».

Успех дебютантки превзошел все ожидания, она сразу же прославилась. Однако ее стремительный взлет принес ей не только много радости, но и много мучений. Иза-за того, что она сразу же ста-

ла «звездой», у нее выработался невероятный страх. Каждый раз она боялась, что споеет хуже, чем в предыдущий.

Роза закончила свою карьеру очень рано — ей было около 40 лет. Впервые она попросила директора театра, уже не Казаццо, другого, дать ей какую-то роль. Тот почему-то отнекивался. Роза обиделась и ушла из театра. Впрочем, все выглядело вполне естественно: она как раз только что вышла замуж и переехала в Балтимор.

Где-то около года я уже прожил в Балтиморе, когда

Пожалуй, не меньше, чем сами Дебора Войт и Ханс Чой — американские певцы, ставшие лауреатами первой премии IX Международного конкурса имени П. И. Чайковского, радовался их успеху Игорь Евгеньевич Чичагов. Он готовил их к выступлению на московском состязании, сам выступал с ними, и тоже весьма успешно — в итоге получил почетный диплом лучшего концертмейстера. Поездка на родину, вызывавшая столько волнений и тревог, вышла во всех отношениях очень счастливой...

ГРАЖДАНИН ОПЕРЫ

русские друзья представили меня Розе Понсель. Она послушала мою игру и предложила мне стать ее аккомпаниатором. Понсель нигде не выступала, но не петь не могла, в этом была вся ее жизнь. Кроме того, незадолго до моего приезда в Балтимор она согласилась принять пост директора городской оперы. Театр был в основном молодежный, и ей приходилось много заниматься с молодыми артистами и даже студентами. В общем, мы с ней организовали что-то вроде студии. На этих занятиях я убедился, сколь достоверны были легенды о великой Розе Понсель. Изумительный голос, сохранивший молодость и красоту, и потрясающий дар перевоплощения, божий дар. Научиться владеть голосом можно, этому — нет...

Встреча с Розой Понсель была самым счастливым событием в моей жизни, потому что открыла мне мое призвание. Я обнаружил, что и мне ниспослан дар божий — талант настоящего концертмейстера. Да-да, не улыбайтесь. Не просто слышать певица, но каждую секунду чувствовать его состояние, понимать, что хочет он выразить, уметь «подстроиться» под него или, наоборот, повести за собой — для этого надо слиться с ним воедино. И без таланта тут, знаете ли, не обойтись.

Знатки и любители вокального искусства очень сокрушались из-за того, что Роза больше не хотела выступать, но она была непреклонна. Она пела на званых вечерах или на приемах по случаю премьеры в театре, но никогда не разрешала объявлять заранее о своем возможном выступлении.

Как-то навестили ее представители фирмы грамзаписи из Нью-Йорка, уговаривали приехать в студию и записать пластинку — «Такой голос надо сохранить для потомков!» Роза категорически отказалась. Но, как известно, если гора не идет к Магомету, то... В один прекрасный день к Розе Понсель явились работники студии со всей своей громоздкой аппаратурой.

Неделю, наверное, мы не выходили из ее дома. Итогом наших усилий стали две пла-

стинки — «Роза Понсель поет сегодня» и «Роза Понсель. Песни», вышедшие где-то году в 56-м. Запись получилась очень хорошей. Впрочем, были созданы все условия для того, включая и само помещение. У Розы в доме была чудесная «музыкальная» комната. Просторная, с высоченным потолком, она отличалась великолепной акустикой.

Вообще о доме Розы Понсель следует рассказать подробнее. Она сама придумала план, главной особенностью которого стал огромный крест, лежащий в основании здания. Роза была глубоко верующим человеком. Дом, выстроенный в южном стиле, не то в итальянских, не то мексиканских традициях, весь белый, оштукатуренный, с красной черепичной кры-

шею отпрянуть, она оступилась, упала и сломала бедро. Ей сделали операцию, но кость срослась плохо. Ходить она уже не могла, передвигалась в специальном кресле. А потом и вовсе слегла. У нее было несколько инсультов, один следовал за другим. И в 1981 году Роза Понсель умерла. Все ее друзья очень тяжело переживали эту потерю.

ИМЯ РОЗЫ Понсель получило вокальный конкурс, который мы учредили в ее память. Певица завещала, чтобы все ее состояние, весь

солидное, пошло в помощь молодым певцам. Мы долго думали, в какую форму облечь эту помощь, и в конце концов решили: самое лучшее, что может быть, — конкурс. Мы открыли его в Балтиморе в 1984 году, с тех пор он проходит ежегодно. Но сейчас подумываем о том, чтобы проводить его реже. Дело в том, что за такой короткий срок не успевает появиться и проявить себя новая талантливая молодежь.

У нас учреждено несколько премий, первая обходится фонду в 20 тысяч долларов. Но не знаю, как здесь, а в Америке люди нередко предпочитают потратить деньги на приобретение каких-то вещей или на развлечения, вместо того чтобы употребить их на свое дальнейшее профессиональное совершенствование. Возможно, не всем лауреатам это по душе, но мы так выходим из положения: примерно треть или четверть суммы даем «на руки», основную же часть кладем в банк, эти средства могут пойти только на обучение наших призеров.

В отличие от вокального раздела Конкурса имени Чайковского, на нашем состязании нет деления на женскую и мужскую группы, проходит оно не в три, а в четыре этапа, хотя подготовить участника должно на четыре вещи меньше, всего семь. Две арии конкурсант включает в программу, исходя исключительно из своих пристрастий. Плюс к ним он должен исполнить арию «барокко», романс XIX века и выбрать три арии из предлагаемого нами списка самых трудных в оперном репертуаре.

Приезжают к нам певцы практически со всего мира. Последний конкурс, прошедший в мае этого года, собрал 93 участника. А оценивало их способности жюри в составе девяти человек, среди них три музыкальных критика, менеджер, ваш покорный слуга и певцы, в том числе Ирина Архипова. Я выступал на нашем турнире примерно в той же роли, в какой она на московском состязании, являясь чем-то вроде председателя жюри или музыкального директора конкурса. Но у нас есть еще и президент — мисс Элен Дюк,

член жюри нынешнего Конкурса имени Чайковского. Она занимается фондом Понсель, в ее руках сосредоточена вся организационная работа.

Среди лауреатов предшественного нашего состязания было двое советских участников — солистка Театра имени Кирова Ольга Воробина, получившая первую премию, и солист Большого Олег Кулько, удостоенный четвертой. К сожалению, из-за своей занятости в театре они не смогли воспользоваться предоставленной им возможностью стажироваться у выдающихся итальянских певцов Федеры Барбери и Карло Бергонци.

Ну, а на последнем нашем конкурсе первую и вторую премии получили соответственно Дебора Войт и Ханс Чой.

ОПЕРА на Западе «чувствует» себя по-разному. В столицах, крупных культурных центрах, а точнее, в крупных оперных театрах Западной Европы дела, конечно, обстоят неплохо, а в провинции, даже в Италии, на родине оперы, — неважно. Как-то уменьшился у людей интерес к этому искусству. Да и стоит оно недешево. Что касается Италии, то и певцов итальянских, настоящих, больших певцов почти нет на мировой сцене. А вспомните, сколько их было всегда! Теперь же пальмы первенства скорее держат испанцы.

В Америке опера, напротив, становится все более демократическим жанром. Большую роль в ее популяризации играют суботные дневные спектакли «Метрополитен-опера», которые транслируются на всю страну и даже за ее пределы — в Канаду и Мексику.

Оперы в США в основном, ставятся на языке оригинала. «Метрополитен-опера» неукоснительно следует этой заповеди. Маленькие-то театры пробовали ставить в переводе на английский, но и они отказались от этой практики. Любый перевод, как бы ни был хорош, точно музыка не ответствует не будет, какие-то акценты обязательно сместятся. Между тем очень часто именно иностранный язык отпугивает людей от оперного театра. И вот кому-то пришлось в голову, как выйти из этого положения. Теперь у нас повсюду, за исключением «Метрополитен-опера», над сценой пускают «титры», как в фильмах на иностранном языке. Оперная публика сразу же разделилась на два лагеря. Лично меня это мельканье раздражает, но многим нововведение нравится. А главное, нравится как раз малоискушенному зрителю, для которого и придумано, дабы «завлечь» его в театр.

Полный театральный сезон в США функционирует только «Метрополитен-опера». Но даже Нью-Йоркская городская опера дает спектакли только два раза в году, в течение примерно шести недель осенью и шести недель весной. Прочие оперные компании могут предложить максимум четыре-пять постановок за сезон. Снимаются

помещение, и на каждую набирается новый состав. Зато этих компаний великое множество, что позволяет им влиять на численность поклонников оперного искусства.

КОНКУРС имени Чайковского чрезвычайно популярен во всем музыкальном мире. Я очень рад, что мне удалось побывать на нем. Мне понравились обширная и разнообразная программа московского состязания, его масштабность и торжественность, праздничность проведения. Что касается уровня участников, то он средний, как и вообще основной уровень большинства подобных состязаний. Но здесь выступили и несколько очень ярких, по-настоящему одаренных певцов, а вот это бывает далеко не всегда. Самыми сильными были, бесспорно, советские и американские певцы. Хотя, разумеется, многие несвободны от недостатков.

Основная претензия к советским участникам? Видите ли, они все очень хорошо подкованы технически, но в манере пения чувствуется оторванность от западных традиций. Русские вещи они поют прекрасно. А когда исполняют западную музыку, получается не совсем так, как нужно, — где-то исчезает кантлена, что-то рвется, словно идет, идет прямая линия, а потом вдруг — раз, и пошел пунктир. Не знаю, в чем тут дело. Может быть, иностранная речь им не дается, мешает чужой язык.

Помимо всего прочего, конкурсу я обязан своим приездом на Родину, тем, что смог повидать своих близких, друзей. Я не был в Советском Союзе с 1966 года, когда приехал сюда туристом, впервые после того как оказался на Западе.

В НАСТОЯЩЕЕ время я живу в Нью-Йорке, куда в конце концов перебрался после многочисленных просьб своих балтиморских студийцев. Они выросли, многие поехали в Нью-Йорк петь в разных театрах и меня «потянули» за собой. Там теперь и находится моя студия, в которой я полновластный хозяин. Работаю один — кустарь-одиночка, что называется. Помимо студийных и конкурсных дел, еще дирижирую оперными спектаклями — в Нью-Йорке, где меня ангажирует оперная компания «Бельканто», в Балтиморе, Принстоне, других городах.

Я люблю свою работу, свою маленькую студию, люблю итальянский язык, который выучил, потому что это родной язык оперы, люблю заниматься с талантливыми молодыми людьми. Наверное, я счастливый человек. Просто потому, что люблю оперу, а ее так много в моей жизни. Жалею ли я о чем-нибудь? Вы знаете, у слов «жаловаться» и «жалеть» — один корень, а я считаю, что грех жаловаться человеку, который благополучно прошел через столько испытаний, нашел себя и занят любимым делом. Нет, я ни о чем не жалею, я просто все помню.

Записала
Н. ШАДРИНА.